

**К 40-летию Междуреченска:
о людях, оставивших след
в истории города**

ЗВЕЗДА Виктора ЧУГУНОВА

ЧАСТЬ I

ДВА ЯРКИХ имени дал Междуреченск литературе Кузбасса - имена писателя Виктора Чугунова и поэта Евгения Буравлева. Будь это где-нибудь в Греции или Италии, уже давно были бы туристические маршруты: тут писатель и поэт жили, тут любили отдыхать, про этих людей писали. И непременно заводили бы туристов в редакцию первой городской газеты "Знамя шахтера", "альма-матер" междуреченских литераторов.

Здесь в 50-60 годах литгруппой руководил Евгений Буравлев. Сюда принес свой первый рассказ, и многие последующие, Виктор Чугунов. Здесь частенько бывали в гостях кемеровские, новокузнецкие и другие кузбасские писатели. Это был живой родник культурной жизни. Именно сюда в свой последний день жизни перед трагической гибелью Виктор забежал на минутку, чтобы предупредить, что не сможет прийти на занятие литгруппы. И больше не пришел никогда...

Обо всем рассказали бы туристам где-нибудь в Греции или Италии. У нас, к сожалению, нет таких туристических маршрутов. Но от этого не убавится чувство гордости за междуреченца Виктора Чугунова, горного инженера, окончившего Литературный институт им. Горького, в 30 лет ставшего членом Союза писателей СССР, написавшего около сорока произведений, часть которых издана за рубежом. Рано вспыхнула на литературном небосклоне его звезда. Но трудным был его путь к читателю.

Как-то, помню, мы были в редакции, когда услышали по областному радио повесть Чугунова "Таежина". Произведение было знакомое: в "ЗШ" был опубликован ее газетный вариант под названием "Ева". И вдруг чтение оборвалось, включили музыку. Несколько лет спустя редактор литературной редакции облрадио рассказал нам следующее. Оказывается, трансляцию услышала секретарь обкома по идеологии и по ее команде прекратили чтение, как она выразилась, "Таежины" - "коржины" (остроумные были идеологи!).

Что не понравилось партийному боссу в сибирской повести междуреченского писателя, остается только гадать. Но это наглядный пример "партийного руководства литературой" тех лет. Судьбу литературных произведений порой решала вкусовщина партийных начальников.

В литературе трудно было пробиваться сквозь толпы

угодливых литераторов. На счастье его читателей, В. Чугунов не стал подстраиваться под вкусы "вышесидящих товарищей", остался самим собой. В результате при жизни свет увидели две книги его рассказов: "Полметра до катастрофы", "Иван и Мария". Основная часть публикаций была осуществлена посмертно (в 1973 году, в возрасте 36 лет В.А. Чугунов погиб в автомобильной катастрофе).

После трагической смерти мужа Надежда Алексеевна Чугунова собрала все его рукописи, все публикации, всю критику о нем. Все это лежало без движения. Толчком к дальнейшей литературной жизни Чугунова послужил приезд в Междуреченск литературного критика Е.Л. Цейтлина, который после этого написал книгу "Жить и верить" с подзаголовком "Документальное повествование о Викторе Чугунове, шахтере и писателе". Она вышла отдельным изданием, а затем в сборнике "Вчера и сегодня". Еще был значительный этап на пути к читателю. В Междуреченск приехала группа писателей, в числе которых был Валентин Сорокин, работавший тогда в "Современнике". Они были знакомы с Виктором при жизни. После его визита, в 1980 году в издательстве "Современник" появился сборник рассказов "Таежина", куда вошла одноименная повесть.

В том же году "Таежина" вышла в Берлине на немецком языке в сборнике советских писателей. В Болгарии был издан рассказ "Товарищ Буховец". На пяти языках выходил журнал "Советская литература", его получали стран сорок: США, Канада, Австрия, Цейлон, Финляндия и др. Здесь в 1974 году опубликован рассказ "Синий ветер Алатау". Кто инициатор этих публикаций, кто переводчики - неизвестно.

Как-то Надежда Алексеевна получила письмо за подписью Галиева. Он просил разрешить работу над повестью "Таежина" в качестве киносценария для Свердловской киностудии. Получив согласие, он написал сценарий. Но сценарий не пропустили.

Рассказы Чугунова печатались в различных центральных изданиях и сборниках. В сборник "Мы - молодые" вошел рассказ "Локомотив". В журнале "Молодая гвардия" вышла "Таежина" и т.д.

Особая глава - сотрудничество со "Знаменем шахтера". Чугунов начал со "Знаменки". Здесь было немало его публикаций. В дальнейшем некоторые из них вошли в его произведения эпизодами, какими-то штрихами, какой-нибудь крепкой фразой.

Зарисовка "Трое", например (печаталась в трех номерах газеты в сентябре 1965 года), вошла в рассказ "Дементий Будила".

Знакомство в "Знаменке" с Евгением Буравлевым однажды сыграло для него поворотную роль. В Кемерове в 1966 году проходил семинар молодых писателей Сибири. Буравлев, уже будучи руководителем кузбасской писательской организации, пригласил Чугунова на этот семинар. Он-то и сказал: "В Междуреченске есть молодой писатель. Наверное, интересно его послушать". Чугунов выступил со своим рассказом "Локомотив" и стал фаворитом семинара.

ЧАСТЬ II

ЖУРНАЛИСТЫ "Знамени шахтера" недавно побывали в гостях у Надежды Алексеевны Чугуновой. Она рассказывала, каким был Виктор Александрович, как и о ком он писал.

В Междуреченск мы приехали в 1959 году по его распределению. Он закончил СМИ, горный факультет. Был здесь на практике, город понравился: маленький, компактный, чистенький, в цветах.

Когда он стал писать? Вероятно, вообще у него была поэтическая натура. Еще школьником написал стихотворение на смерть Сталина. На четвертом курсе, когда был на практике в Донбассе, начал писать прозу.

Вообще, был увлеченный человек. Когда мы познакомились, он увлекался философией. Мы "Капитал" Маркса и другие произведения изучали в переложении да по цитатам. А он - читал! Ну, думали: парторгом будет...

Потом увлекся иностранным языком и даже дипломную работу написал на немецком - с разрешения своего руководителя по горному делу. А поскольку в приемной комиссии ни один из преподавателей языка не знал, Виктору пришлось накануне защиты срочно, ночами, переводить свою работу на русский.

Работал на шахте им. Ленина. В основном - помощником начальника участка. Был и горным мастером.

Его герои вымышленные или у них имеются прототипы?

"Междуреченская новелла", например, обрисовывает не только реальных героев, но и реальную ситуацию.

Узнавали ли себя герои? Какова была их реакция?

Есть у него рассказ "За черными розами". Посвятил он его своему начальнику участка Константину Яковлевичу Тихонову. Когда жена Тихонова Мария Михайловна (царство небесное всем троим - никого уже нет в живых) прочитала, ей не понравилось: шибко похож. И отношения испортились.

У него записные книжки исписаны: какая-то фраза, короткие анекдоты, короткие диалоги, какие-то ситуации. Шахтеры того поколения могли бы узнать себя.

Он любитель анекдотов?

Да. (Мне вспомнилось, каким он был веселым. Вокруг него всегда был водоворот. Как-то на Новый год в кинотеатре "Кузбасс" собрались на праздник работники культуры. И вдруг буквально сваливается целая компания кемеровских писателей во главе с Виктором Чугуновым. Он с гармошкой, поет частушки, пляшет. Сразу попал в веселый круг...)

Интересно, когда он умудрялся писать? Шахтер, в моем представлении, отпахал смену, пошел домой, наелся, отоспался и - снова в шахту...

Его очень устраивал режим работы помощника начальника участка. Начальник всегда идет в первую смену, помощник - во вторую. И Виктор до обеда сидел за машинкой.

К нему очень любили ездить писатели из Кемерова...

Да. Они и ссорились, и мирились. Более открыто, более обидно, чем они друг другу, им никто не говорил. Это подстегило в работе. Сначала обижались, потом переосмысливали.

От критиков ему много доставалось?

Много. Но много говорилось и положительного.

Сколько времени занимает его творческий путь?

Работал он с 1961 года (это время первых публикаций в "Знаменке") по 1973 год. Сам опубликовал девятнадцать произведений. Потом вышло еще семь. Всего 26.

К слову, цифра 26 имеет в нашей жизни особое значение. 26 числа родился у нас Вадик, и внук Женя родился 26-го. 26 декабря Виктора приняли в Союз писателей. 26 декабря он погиб.

Как у него созрело решение поступить в Литературный институт?

Это мне неизвестно. Но он готовился. Прошел сначала творческий конкурс, потом сдал экзамены.

Как вы отпраздновали его принятие в Союз?

Приехали кемеровские писатели. Хохот, застолье, шутки...

Каким Виктор был в семье? Не мешала его "звездность"? Все-таки писатель...

В семье он был обычным. Нужно дрова на даче нарубить, конечно, нарубит. С детьми занимался даже больше, чем я. Мог и обед приготовить.

Мы с ним много ездили. Оставим детей у его родителей в Барнауле - и в дальний путь. Были в Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе, Волгограде, Куйбышеве... В Калининграде сходили с ним на могилу Канта. Из Москвы он съездил на могилу Паустовского в Тарусу.

Что он любил читать? Паустовского, Бунина, Фейхтвангера, Шолохова. Но особенно - Шукшина. Мы его вслух читали, следя за его публикациями в "Литературной газете", "Литературной России".

Читал ли он Вам свои произведения?

Обязательно. Потом давал "проверить ошибки". Надо сказать, писал он грамотно. Вот стиль у него особый, оригинальный. Есть выражения, на первый взгляд, не приемлемые. Пыталась править - не вышло.

ЧАСТЬ III

ВЕРНЕМСЯ к вопросу о памяти. Нам бы у шорцев поучиться опыту памяти народной. В воспоминание об охотниках Сыркаше и Ольчресе, например, они назвали поселки Сыркаши и Ольжерас. А что у нас напоминает о нашем замечательном земляке?

В 1987 году, в июле, исполком горсовета принял решение присвоить имя Виктора Чугунова улице. Это была улица-новостройка, грязная, неблагоустроенная, и родным писателя показалось неудобным увидеть здесь родное имя. Улицу назвали Октябрьской.

Сколько у нас названий, которые не придают городу индивидуальности?! Улица Новаторов, Дзержинского (почему бы и не Берии?), 50-летия Комсомола, Патриса Лумумбы, Тигровый переулок, Весенняя (как в Кемерове) и пр. Подобный набор улиц можно найти в каждом советском городе. А вот такие названия улиц, как Лукианова, Чугунова, придавали бы его облику неповторимость.

В 1987 году в связи с 50-летием Чугунова, на доме, где он жил (пр. Коммунистический, 14), была укреплен мемориальная доска. По этому случаю приезжали его коллеги по перу не только из Кемеровской области, но и с Урала и из Восточной Сибири. Междуреченцы собирались на митинг.

За доской никто не следит. Она поцарапана, залепана. Кому этот вопрос? Жук? Архитектору? Комитету культуры?

Виктор Чугунов не думал о славе. Он спешил жить, спешил творить. Когда ему осталось меньше года жизни, он, как чувствуя это, написал в дневнике: "А мне бы время... Больше мне ничего не надо".

Мы, живущие, - в долгу перед Виктором Чугуновым, нашим самым земляком, шахтером и писателем.

Тамара БУЛДАКОВА.

На снимках: таким он остался в нашей памяти (фото из семейного архива); членский билет Союза писателей СССР Виктора Чугунова; в гостях у Н.А. Чугуновой.

Фото Василия ГОРБУНОВА.

